

ЭПОПЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАДАНИЙ И МУЖЕСТВА

Алексей Барфоломеев/РИА Новости

Творческий узелок между авторами завязался не сразу. Белорусу пришлось долго доказывать необходимость будущей книги. Ленинградцам казалось, что на эту тему написано уже все и дополнить нечего. Но они ошибались.

Борис ОРЕХОВ

■ Как Алесь Адамович и Даниил Гранин создавали свою знаменитую «Блокадную книгу».

Произведение уникальное. Живой голос истории. Никакой беллетристики. Только факты. Нередко - чудовищно страшные. Когда понимаешь, что все это не писательский вымысел, а правда, еще страшнее. Настоящая, без глянца, коим сплошь и рядом, чего уж греха таить, была богата советская литература о войне.

Правда о трагедии, самопожертвовании и мужестве, рассказанная самими блокадниками. Читая ее, не раз и не два задаешься вопросом: как человек вообще мог вынести все это? Как?.. И какой невероятной все же ценой далась нам Победа.

ЧУДАК В ЧУЖОМ ДВОРЕ

От Ленинграда до Хатыни больше семисот километров. Но в нашей истории непокоренный город на Неве и сожженная белорусская деревня спаяны накрепко. Ведь сам замысел «Блокадной книги» появился у **Алесь Адамовича**, когда он в соавторстве

с другими белорусами - **Янкой Брылем** и **Владимиром Колесником** - работал над повестью «Я из огненной деревни». Опрашивали людей, которые спаслись из истребленных деревень. Это были тяжелые, страшные рассказы. Книга имела успех, ее перевели сразу на несколько языков. Работа воодушевила Адамовича:

- Трагедии наши, белорусские, и трагедии ленинградские - как подземные реки, связаны, сливаются. Сначала лишь хотелось зажечь чей-то энтузиазм в Ленинграде. Я-то тут при чем? Но потом решил, что, видимо, сам буду делать книгу. Конечно, в соавторстве с кем-либо из ленинградцев, - вспоминал Адамович.

О замысле рассказал на писательской встрече. **Константин Симон** посоветовал посвятить в свою задумку **Даниила Гранина**.

- Хорошо, - ответил Гранин по телефону, - приезжайте ко мне в Ленинград, обсудим подробнее.

Но творческий узелок между ними завязался не сразу. У Гранина сидели

вчетвером. Он пригласил еще двух литераторов:

- Ну, выкладывайте, Александр Михайлович, свои идеи.

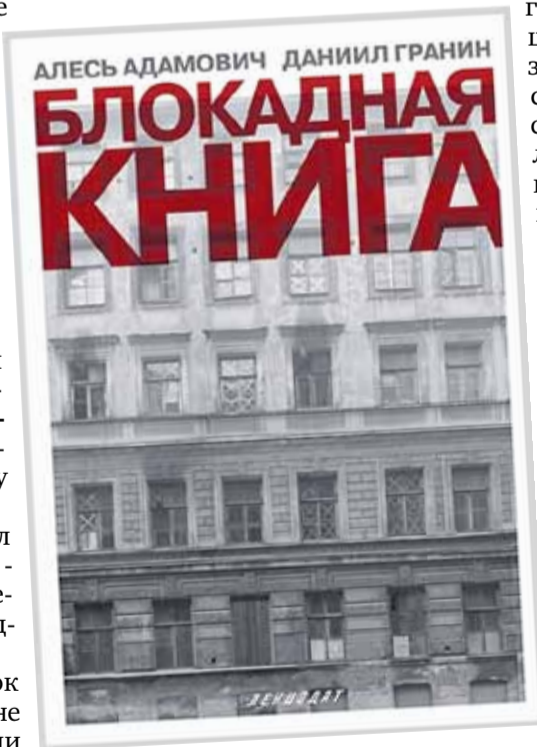
Адамович рассказывал, какой он видит будущую книгу. Двоих приглашенных идея не зацепила. О блокаде написано и сказано уже все, посчитали они. А может, гордость заела: с какой стати белорус станет копаться в военной трагедии нашего города.

- И я увидел себя со стороны, - вспоминал Адамович. - Чужак забежал в чужой двор и пытается хозяевам показать, где и что у них есть. Действительно, столько книг - и хороших - написано, а он хочет что-то заново, будто нога писательская там не ступала...

- Ну, раз так, возьмусь я сам! - помолчав, сказал Гранин решительно.

И уже на другой день - 5 апреля 1975 года - они вдвоем поехали записывать рассказ первого блокадника.

- Мне было странно сначала, - вспоминал Гранин. - Поскольку никогда не работал вдвоем, и еще - Адамович не ленинградец. Но, как потом выяснилось, это имело и свои преимущества. Его наивный и совершенно свежий взгляд помогал увидеть то, что для меня давно стерлось.

Далеко не все из блокадников сразу решались на откровенность. Многие сначала отказывались, но через несколько дней сами звонили и просили зайти опять.

- Мы не сразу поняли, в чем дело. Потом разобрались: у людей была потребность рассказать, чтобы освободиться, - рассуждал Гранин.

Боль они носили в себе. Ни родные, ни дети, ни внуки слушать их не хотели. Но когда в дом приходили два известных писателя и мать, отец или бабушка начинали вспоминать, у сидевших рядом домочадцев в душе что-то перемещалось. Часто они впервые слышали, что происходило вот в этой же самой квартире. Плакали. Рыдали.

- Кошмар, терзавший блокадников, начинал наконец рассеиваться, - вспоминал Гранин. - Наступил момент, когда мы поняли, что обязательно должны сделать свою книгу. Должен кто-то искупить вину нашего слишком долгого невнимания к этой памяти. Чтобы не упустить, не потерять навсегда народную правду.

ОТКРОВЕНИЯ СКЕЛЕТОВ

Когда книга наконец была готова, началась настоящая, без кавычек, борьба за то, чтобы она увидела свет. Ни одно ленинградское издательство не решалось. Это означало пойти поперек устоявшегося идеологического стереотипа: блокада - героическая эпопея. И - точка. Откровенные рассказы простых людей в монументальный стереотип явно не вписывались. Слишком много в них блокадного натурализма, такого, о чем во всеуслышание предпочитали не вспоминать. Это была эпопея не девятист дней подвига, а девятист дней невыносимых мучений. Что никак не соответствовало монументальному пафосу.

Кое-какие истории, впрочем, авторы и са-

ми не решились включить в книгу. Например, рассказ об одном летчике-истребителе, ленинградце. В бою за родной город его сбили, и он вернулся домой инвалидом. Семья не уехала в эвакуацию. Жена. Дети маленькие. Голод довел его до того, что он начал собирать вшей с себя и детей и есть их. Геройский летчик. Но в книге его нет.

Декабрь 1977 года. Первая часть блокадной эпопеи появляется в журнале «Новый мир». Его тогдашний главный редактор **Сергей Наровчатов** сам воевал на Ленинградском фронте и, прочтя рукопись, тут же отправил ее в набор, хотя прекрасно понимал, какими могут быть последствия лично для него. К счастью, тронуть его не посмели. Но цензура пришла в ярость. И потребовала убрать из рукописи больше шестидесяти «крамольных» мест.

Например, про баню. С топливом в городе была беда. В баню его хватало, чтобы согреть воду только в одном отделении. В нем мылись вместе женщины и мужчины. Живые скелеты, изможденные, обессиленные, помогали друг другу как могли. Многие были не в силах просто поднять шайку с водой. «Убрать, - потребовали цензоры, - это уже порнография».

В начале сентября 1941 года после бомбежки сгорели Бадаевские склады, где хранился основной на тот момент запас продуктов для Ленинграда. «Вычеркнуть немедленно, - бесновались в Главлите, - рассказы очевидцев дискредитируют партийное руководство города, выставя его главным виновником». Беспощадно вымарывались любые не то что рассказы - намеки на людоедство, мародерство и махинации с продуктовыми карточками.

- Когда начали публиковать в «Новом мире» главы из «Блокадной книги», в наш с Даниилом Александровичем адрес хлынули письма от блокадников, - вспоминал Алесь Адамович. - И в них, в тех письмах, облегчения вздох: «Наконец-то! Нашу правду узнают все». Мы сами не представляли себе предела возможностей человека. И, работая над книгой, определить точные его границы не могли. Именно поэтому Ленинград выжил, выстоял и не сдался.

Лучше всего, как подметили писатели, рассказывали женщины. Их память иная. Она более внимательная, цепляет такие подробности, на которые мужчины просто не обращают внимания. Люди и голодали по-разному, и умирали по-разному - женщины помнили все.

Рассказов набралось несколько сотен. Целая гора магнитофонных пленок. Для расшифровки пригласили двух стенографисток. Они сами пережили блокаду и хотели сделать бес-

ИСТИНА РОЖДАЕТСЯ В РУГАНИ

платно. Но Гранин уговорил принять гонорар - ведь работа колоссальная.

Как всякий настоящий шедевр, «Блокадная книга» рождалась в муках. И не только творческих. Адамович из Беларуси присылал Гранину свои написанные куски. Гранин, как он вспоминал, все перечеркивал и сообщал Адамовичу, что написано отвратительно и никуда не годится. И посылал ему

свой вариант. Тот тоже начинал возмущаться: «Что это?! Куда?! Совсем не то, что мы хотели...»

И вот так, с руганью, с взаимным раздражением в клочки присланных соавтором рукописей и переписыванием заново, они продвигались постепенно к окончательному варианту. Работа продолжалась больше трех лет.

Настоящий писатель всегда пропу-

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

скает жизнь своих героев через собственное сердце. Бесследно это не проходит. Работая над книгой, Алесь Адамович в какой-то момент оказался в больнице с нервным расстройством. Затем слег и Гранин. Тоже нервы. Ведь каждый рассказ - это боль, трагедии, голод, смерть. И таких рассказов были сотни. И каждый прошел через душу писателей.